
Иван Жердев

Рассказы

О себе

Биография — штука для писателя неинтересная, потому как прожитая жизнь не оставляет место для вымысла. И хотя за каждой датой и событием стоит масса впечатляющих вещей, выглядит эта биография как сухая историческая справка или как книга техосмотра автомобиля, где такого-то и такого-то залили масло, адаптировали коробку, поменяли колодки и прочие необходимые и неинтересные подробности.

Однако написать ее хоть раз надо, потому как люди иногда справедливо интересуются — а ты откуда такой взялся?

Взялся я из семьи офицера авиации Серверного Флота в Архангельске. Вместе с семьей мотался по гарнизонам этого самого флота от Новой Земли и до Вологды. Советский Союз и Северный флот до сих пор люблю из-за детских воспоминаний о самой вкусной в мире сгущенке и тушенке, и самой красивой военной форме — черной с золотыми погонами. По праздникам белой.

После школы, в отличие от большинства одноклассников, поступил не в военное училище, а в пединститут на факультет иностранных языков и стал долго и мучительно учить английский, при этом успевая сильно бухать и иногда драться с милицией. За первое был отчислен из Вологодского пединститута, за второе — из Ярославского и волею судьбы оказался в Кубанском госуниверситете в Краснодаре, из которого меня отправили служить в войска особого назначения ГРУ в Группе Советских войск в Германии. Там я наконец выучил английский, потому как приходилось подслушивать супостата шесть через шесть часов, переводить и сообщать начальству о кознях натовских вояк против моей Родины. Честно отшпионив положенные два года, я вернулся в родной до боли универ и стал доучиваться.

А потом развалился СССР, и я уехал в США. Там я прожил от звонка до звонка 15 лет, соскучился по Родине, вернулся и сел в тюрьму. Как выяснилось позже, не за что-то преступное, а просто посидеть. Год отдохнул. В тюрьме есть одно неоспоримое преимущество — не только тебя не выпускают куда-либо пойти погулять, но и к тебе никого не пускают. Там у меня было очень много свободного времени и случились интересные знакомства. С тюрьмы, собственно, и началась моя писательская деятельность. Совершенно точно зная, что сижу я не за что и что за мной наблюдает целая группа квалифицированных офицеров из самых разных ведомств, я начал писать книгу на английском языке, где, не стесняясь, сленгом и матом поносил как всю правоохранительную систему, так и конкретных персонажей — своих следователей, судей и стражников. Части этой книги я пересылал в письмах матери, совершенно точно зная, что письма эти не дойдут, а завязнут в оперчасти в силу сложности перевода моего изысканного английского. Так и оказалось. Где-то через месяц меня вызвали в оперчасть и настоятельно попросили не писать писем на английском, так как толком

никто перевести не может, и все ведомства спихивают их друг другу в надежде, что все-таки где-нибудь эту литературу переведут и оставят себе. Однако я писать не перестал, а продолжал поднимать образовательный уровень наших спецслужб.

Обращались со мной очень вежливо, так как не понимали и до сих пор не понимают — кто я такой и на кого работаю. Мой честный ответ, что я никогда ни на кого не работал, кроме себя и своей Родины, не принимался в силу недостаточного образования моих оппонентов и их полного невежества в вопросах кастовой сущности людей и реинкарнации. А мне тупо предлагали на выбор разведки всех ведущих стран, включая ЦРУ, ГРУ, Моссад и даже почивший КГБ. Что творится в головах у этих людей, я до сих пор не понимаю.

К концу года заключения, когда стало совсем не понятно, что со мной делать — посадить, убить или наградить и отпустить, моя мама, простая русская баба Вера Ефимовна, поехала на прием к Путину, в Бочаров Ручей, где пообщалась с его представителями в приемной, попила чаю и передала царю мою первую книгу стихов «Разрешите мне не врать» и два диска моих песен. А через месяц меня из тюрьмы отпустили, причем в день рождения меня и Сергея Есенина (3 октября), и я с сумкой и воздушными шариками вышел из ворот СИЗО 23/1 на ул. Воронежской, 42 города Краснодара.

Почему меня отпустили — мне до сих пор неизвестно, также как и почему меня посадили. Моему авторскому тщеславию хочется верить, что царь-батюшка впечатлился моими виршами, но скорее всего это не так. А вот почему именно, мне в этой жизни узнать, наверное, не придется.

Но я благодарен судьбе за этот подарок. Я имею в виду не освобождение, а само заключение. Ну где бы еще я смог спокойно осмыслить свою жизнь и понять, кто я такой и что мне с этим дальше делать? И худо-бедно, но начал я писать прозу, хотя и не на русском языке сначала.

За время, пока я сидел, все мои компании в США были объявлены банкротами, а имущество ушло с молотка. И я наконец стал совершенно свободен. Я до сих пор искренне благодарен и российской, и американской правоохранительным системам (в чём-то они — близнецы братья) за избавление и освобождение, полное и от всего. Честно. Не лукавлю ни капли.

Но произошло все это не одномоментно. Я попытался сначала восстановить свое честное имя через суды, но потом плюнул и стал пить, пока не умер. На это ушло почти десять лет.

4 августа 2015 года врач Темрюкской городской больницы Борисыч зафиксировал клиническую смерть, а потом неожиданное возвращение блудного сына. Когда я очухался, он мне сказал: «Сходи в церковь, поставь свечку своему ангелу-хранителю, потому что я, честно говоря, не знаю, как ты выкабался».

А больница в Темрюке находится всего в одном квартале от старого кладбища, где похоронена моя бабушка, баба Дуня. И я, как только смог ходить, туда пошел, посидел, покурил, сказал: «Спасибо, бабуля», — и теперь живу на даче, на море, в том же Темрюкском районе, в маленьком поселке (всего три дома) по названию Калабадка. Название, скорее всего, пошло от казаков, когда сыновья селились коло батьки, и так и привилось: коlobатьки, колабатка, Калабадка. Поселок этот в шестидесятые годы смыло наводнением, и его вычеркнули как административную единицу, и наши три домика числятся за поселком Пересыпь Темрюкского р-на, хотя и находятся в километре от него.

Здесь я теперь и живу, пишу и счастлив. В доме нашем живут четыре сущности, две мужского и две женского пола. Мужчины — это я и кобель Тишка, а женщины — это Ирина, моя жена, и Машка, черная кошка с золотыми глазами. Живем дружно и весело. Летом к нам приезжают гости, много и кто попало, а вот осень, зима, и весна —

это наше время. Людей никого, перед нами Азовское море и берег, поросший маслинами.

Здесь я и написал свою первую книгу «Русские пазлы», куда вошли впечатления о жизни в штатах и в России, до тюрьмы, во время и после. Сейчас пишу другую. Ирина делает дом уютным, Машка иногда ворует у рыбаков рыбу, а Тишка — он Тишка, добрый и несколько юродивый. Хорошо живем.

Самое смешное, что все, что я здесь написал, — чистая правда, до последнего слова, и даже еще не вся.

Жердев Иван Анатольевич, 03.10.1963 г.р.

Алкоголик Вася — бизнесмен, поэт и сволочь

А я люблю писать про алкоголиков. Был бы художником, писал бы их в масле, да не сподобил господь, и потому — словами. А слова — материал славный, мягкий да податливый. Знай, лепи обороты и предложения, обжигай да раскрашивай. Тут главное, чтобы вверх, чтоб в ноосферу, а не по погребам в банках закатанных.

Русский алкоголик — человек широкий, тотальный и искренний. Он каждый день своего самоубийства норовит в праздник превратить, всё песни поет да стихи читает. Не замечал ли ты, мой умный и трезвый читатель, что человек подвыпивший обязательно спеть должен? Драки, бабы — всё потом, всё вторично. Сначала спеть! И так, чтоб до слезы, до воя. А если не спеть, то стихи почитать. Наш алкоголик очень поэтичен, а наши поэты, соответственно... Ну, можно даже не перечислять, все знают. И зря поэтов наших винят в грехе этом, мол не пил бы, еще бы пожил, еще бы написал. Да вот вам хорей во всю вашу поэму — и не пожил бы, и не пописал. Тут одно без другого никак. Вон Пушкин не пил, не пил... и что... пристрелили. Не стаканом — так пулей, а поэту на Руси век недолгий. Про себя вроде как и неловко, да скажу — я как пить бросил, сразу на прозу перешел, потому, скорее всего, и жив до сих пор, предатель. А рассказать хочу не о себе, а об алкоголике Василии Филипповиче, хотя, поди знай, как оно там все устроено в этом эфире и как мы все там повязаны — начинаешь о другом писать, а все равно и про себя поведаешь.

Жил мой друг Вася широко. А чтобы эту ширь еще расширить, Васька пил, много и запойно. То есть если начинал, то не останавливался, пока можно было добыть зелье и внутрь залить. А добыть он мог всегда, везде и в любой ситуации, а значит, и останавливался только, когда нутро уже не принимало.

Множество было совершено подвигов, поступков, приключений и мерзостей, достойных и более искушенного пера, но здесь поведаю я только одну историю про перелет нашего героя из России в Америку.

Василий Филиппович был, как ни странно, еще и удачливым бизнесменом. Хотя — что здесь странного? Русский алкоголик легко сочетает и не такие вещи. Может и залы собирать, и страной руководить. А бизнес, политика и запой — сущности родственные, можно сказать — родные. И там и там самое трудное — остановиться. Невозможно. Потому что если остановился, то ты уже не бизнесмен, не политик и не алкоголик. А исконный русский купец, он же нынешний бизнесмен, все-таки человек русский, с душой и понятиями. И потому, дешевле купив и дороже продав, он где-то там, в глубине еще не пропитой души, понимает, что совершает мерзость. Не умом своим понимает, ум на другое заточен, а именно внутри своей божественной сути. Умом он так думать не может, и словами так никогда не скажет, но ведь понимает же где-то как-то. Потому и мается, потому и бухает, родной.

А вот банкир, например, алкоголиком быть не может. И то, что он мерзость совершает в ежедневном режиме, его никак не тревожит. Это каста особая, непьющая

и душой не болящая. Не то что там души вообще нет, такого и быть, вроде, не может, но она такая вот... не знаю, подлючая что ли... бездушная душонка эта... Да бог с ними, с нелюдями. Вася был все же человек пьющий и ранимый, с душой страдающей. Так что лучше о нем, сердешном.

Опоздание рейса — всегда повод выпить. И если в аэропорт Василий Филиппович прибыл трезвым, в сопровождении свиты, то на борт он поднялся один и под шофе. «Chauffe» в переводе с французского значит «подогретый». Выражение «подшофе» затесалось в русский язык благодаря, отчасти, стараниям молодого гусара Раевского, тоже изрядного шалуна. Я не к тому, что знаю, откуда взялось словечко, а оттого, что если бы по времени поменять местами Васю и Раевского, то они вели бы себя точно так же, каждый в своем веке.

В салон самолета Вася вошел веселый, бодрый и с гитарой. Гитару он в то время всегда возил с собой и в багаж никогда не сдавал, потому что гитара была очень дорогой и ранимой, а он ее берег. К месту тут будет пояснить, что Вася помимо того что зарабатывал, как мог, еще и песни писал и пел, и настолько это дело любил, что даже выступал с концертами, на которых как раз ни копейки не зарабатывал, но получал массу эмоций и удовольствия. Как любой успешный человек, он был тщеславен. Ну нравились ему восхищение толпы, аплодисменты и внимание. Ну и девочки, само собой. Не понимал он, в силу возраста и малого осознания, что в любом аплодирующем ему зале ровно половина хлопающих с еще большим рвением стреляла бы. Прямо в ненавистную Васину рожу, с двух рук, по-македонски. Зависть — самый сухой и лучший порох к любому калибру.

Итак, бодрый и веселый Василий Филиппович, с гитарой, добрался до своего места и оказался в окружении не менее веселых соседей, директоров ВАЗа, летящих в Детройт по обмену опытом. То есть люди, выпускающие «Жигули», ехали делиться опытом с людьми, выпускающими «Крайслер». В самом предназначении экспедиции уже было столько смешного, что поездка не могла пройти скучно.

На высоте десять тысяч метров над землей все по-другому. Присутствие опасности, высота и скорость меняют привычные разговоры и ощущения. Почему стюардессы выглядят сексуальнее, чем проводницы? Да высота подстегивает. И желания острее, и впечатления сильнее.

В соседи Васе угодили работники высшего звена ВАЗа: Аркаша Файнберг, поволжский еврей и главный дизайнер завода, и Скотт Клайнер, финансовый консультант из Британии, оба страшные патриоты России и «Жигулей». Быстро познакомились и сошлись на почве «Столичной» с томатным соком, причем консультант не смешивал, а чисто по-русски запивал. К Василию он сразу начал обращаться «Бэзил», на что Вася вежливо отвечал: «Видите ли, Скотт».

Не помню ни одного анекдота про русского, еврея и англичанина. А ведь забавная троица... И оказалось, что то, что немцу смерть, хорошо еще и англичанину, и еврею. Напились ребята крепко. А когда Вася расчехлился и запел, хорошо стало уже всему рейсу Москва—Лос-Анжелес—Сан-Франциско. Они сидели в тогда еще курящем конце салона и пели вечное есенинское «Стою один среди равнины голой...», а последнюю строчку «и ничего в прошедшем мне не жаль» подхватывали и повторяли уже все пассажиры, две стюардессы и второй пилот. Как славно, как уютно устроились двести с лишним человек на высоте десять тысяч метров. За бортом ночь, под крылом океан, и все знают, что если, не дай бог, оно случится — ни у кого шансов нет, и поют так, как будто последний раз в жизни. Ни один в бубен зарепетированный хор не выдавал такой унисонной задушевности:

Не отгорят рябиновые кисти.
От желтисны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова...

И чудится мне, что подлетела в ночи к самолету тарелочка, включила прослушку салона — и умилились два зеленых гуманоида. И сказал один другому: «И че нам говорили — дебилы, мол, дебилами. Нормальная планета», — дослушали песню, пустили зеленую слезу, включили форсаж и умотали на свою Альфа-Центавр. Так Василий Филиппович, сам того не зная, в очередной раз спас человечество.

И не говорите, что такого быть не может. Все может быть. Голову на отсечение не дам, но ведь летают же и слушают, так что вполне, вполне... «Есть многое на свете, друг Горацио...»

Однако вернемся в салон. А вечер переставал быть томным в курящем салоне. Кстати о курении. С чего бы это вдруг весь мир сошел с ума и набросился на людей, вдыхающих табак? Тысячелетиями ведь его курили и даже в культ возводили. И чтобы там не верещали теперь СМИ и якобы здравоохранение, но лично для меня изящество красивой трубки не уступает изяществу скрипки. Да, я курю, я привык и я не понимаю, почему я должен толерантно терпеть педика, масляно глядящего на моего сына, и гнобить нормального мужика, скромно дымящего в углу ресторана. Спросите любого знающего ученого про этот бред насчет пассивного курения, и он просто повертит пальцем у виска, если реально знающий. И любой практикующий врач вам скажет, что запрет на курение в больнице и на территории уже отправил на тот свет массу курящих сердечников. Больница и так место не вдохновляющее, а если у человека жестко отнимать пусть вредную для него, но любимую привычку, то он испытывает стресс, с жизнью порой не совместимый. Человек — это сумма прекрасных вредных привычек. Отними их у нас, мы и людьми перестанем быть. А нас опять хотят разделить. Злостная и дебильская пропаганда вроде бы и правильных вещей очень грамотно разводит нас по сторонам — вот вы, ребята, хорошие, правильные, а вот те, что курят, — они люди вредные, тупые, второго в общем-то сорта. С ними можно вот так. И загоняют их в тесные стеклянные кабинки с плохой вентиляцией, и все идут и смотрят, как там изгой коптят. И думают — так вам и надо. Не хотите бросать, так вот вам. А ведь все это уже было. Из-за цвета кожи, из-за религии, из-за языка, да из-за чего угодно, главное найти повод, различие и показать — вот вы нормальные и вас много. А вот эти не такие уж и нормальные. Ату их, убогих... Пусть станут, как мы, или совсем перестанут.

Однако вернемся, мой редкий и умный читатель, в салон. Ты меня прости за эти отступления, но ведь оно так и пишется — выскочило слово и повлекло за собой. За каждым словом можно найти событие, явление, нам не постороннее. И когда уцепишься мыслью за одно всего лишь слово, то так его заласкает, что потом и оторваться трудно. «Ты в салон когда-нибудь вернешься, филолог хренов?» — слышу я голос своего умного, любимого читателя и возвращаюсь в салон.

А вечер там... После песен начались бабы и драки. То есть ничего в общем-то нового. Рано гуманоиды улетели, купились на лирику, нужно было до конца досмотреть, дебилы бы все равно проявились.

Красивая секретарша — обязательный атрибут заграничной командировки большого начальника. А русская красивая секретарша вполне еще может оказаться девушкой порывистой и необязательной. А тут еще Вася с гитарой, голосом и Есениным, пропади он пропадом, в смысле — Вася, не Есенин. Секретаршу генерального директора ВАЗа родители-славянофилы назвали при рождении Василисой (не поверите, опять случайная прелесть попадания) и тем уже предопределили судьбу неординарную и своевольную. Аттестат с медалью, музыкальная школа, модельное агентство и иняз Нижегородского пединститута довершили развитие и растрепание малолетней поволжской умницы и красавицы.

Разгоряченная высотой, виски и вокалом, Василиса сверлила васильковыми глазами Василия. Здесь не тавтология, боже упаси, а наиболее точное описание процесса в разрезе цвета и чувства. К концу песни об одиночестве она уже любила его, а он уже это понимал и тоже ее хотел. А генеральный не зря добился генеральства и процесс отслеживал, но одно дело у себя в Тольятти, где каждый мент и бандит знал,

что девка генеральская и взглядом не моги, а тут узкая алюминиевая сигара в небе над океаном, и тут ты просто пассажир и мужик, если ты реально мужик. Надо отдать должное генералу, он мужиком был, за самку свою мог биться, отбросив чины и регалии. И битва состоялась.

В самом хвосте самолета, там, где кухня, есть маленькая площадка между стойками для подогрева еды. Не поле Куликово, конечно, но для поединка достаточно. Именно там и застал генерал парочку. Тезки уже обнимались и целовались. Тут уж слова не нужны, все предельно ясно. Вопрос: «Ты чего к ней пристаешь?» — неуместен, а ответ ввиду занятости языка невозможен.

Самолет вошел в зону турбулентности во время нанесения удара и сместил направление кулака. А надо сказать, заслуженно получила в глаз красавица Василиса. Я абсолютно против избияния женщин по любой причине, и дело это считаю недостойным мужчины, но тут не я, и даже не генерал, тут турбулентность. Ударившись спиной о стойку, Василиса затем упала вперед и приняла силиконовыми губами ногу Василия, бревном летящую в детородные органы генерала. Божий промысел по-разному выглядит. Не всегда эстетично. При следующем рывке самолета двое мужчин, быстро и жестко отметеливших секретаршу, схватились в объятиях и упали на пол. Сверху на них напрыгнула окровавленная красавица и с воплем «Ах вы, суки» молотила, не разбирая, чем попало и гусяра, и генерала. А в руки попался металлический судок из печки с подогретой рыбой в томатном соусе.

Ах, любишь ли ты, мой тонкий, интеллигентный читатель, всю эту мерзкую прелесть пьяной русской драки так, как люблю ее я? А я очень люблю.

Ну вы только представьте картину, посмакуйте. Десять тысяч метров, реально над уровнем Атлантического океана, советский самолет-гигант ИЛ-96, напряженный экипаж вручную преодолевающий грозовой фронт, пассажиры кто пьет, кто спит, кто решает проблемы, и — месиво в хвосте, на кухне. Вот она, модель семьи, государства, планеты. Эх, зря улетели гуманоиды, надо было досмотреть.

На шум, хватаясь за кресла и стойки, подоспели автовазовцы и растащили наконец любовный треугольник. Женщины, с участливыми лицами и радостными сердцами (наконец-то) приводили в порядок лицо автозавода, а мужики, как и положено, усадили рядом самцов и заставили выпить мировую. Британец Скотт откровенно ржал, а еврей Аркаша толково объяснял мужчинам бессмысленность для человека разумного драки за самку. Залитые кровью и томатным соусом бойцы наконец выпили и вроде как замирились. Но после очередной мировой генерал предъявил Василию разбитые секретарские губы, за которые он заплатил пять штук баксов лучшему хирургу Москвы. И зачем ему теперь секретарша с такими губами, и что она теперь насекает секретарит. В ответ Вася предъявил автовазовцу последнюю модель «Жигулей», такую же несуразную и непригодную, как разбитые губы генеральской секретарши. На том и помирились. Один-один.

Расстались они в Лос-Анжелесе почти друзьями. Так бывает. Вася улетел в Сан-Франциско, а генерал с побитой секретаршей и бухой свитой — в Детройт, делиться все-таки опытом. На санитарном кордоне у него отобрали хвост судака, торчавший из нагрудного кармана пиджака, как куриная ножка у Азazelло.

Я к чему это все рассказал? Не в драке суть, хоть и прикольно. И «Аэрофлот» — волшебная компания. Но летать надо на наших просторных «ИЛ-96», а не на всяких «Боингах». И я против того, чтобы всякий толстый американец в униформе отбирал хвост нашего русского судака у нашего русского производителя какой-никакой, а своей машины. И чтобы британский Скотт ржал над нашими внутренними разборками, я тоже не согласен. Мы сами разберемся. Наш самолет, наш судак и секретарша тоже наша. И мы наших любим, хотя иногда и бьем. Но только сами. Сами, понятно? Не надо к нам лезть, иначе мы перестанем разбираться между собой и разберемся с вами.

Клянусь шрамом на виске от горячего кухонного судка компании «Аэрофлот».